

Моск. новости - 1994 - 9 - 16 янв. - с. 55

ЛИТЕРАТУРА

Жабо из лыка

Цитируя Венедикта
Ерофеева

Прошел полукруглый юбилей
Венедикта Ерофеева — 55 лет,
— и снова, как и в прежние
годовщины, никто этого вроде
и не отметил,
а если заметил, то,
как я, с опозданием.

Сам-то Ерофеев эти две пятерки, которые выставляет ему время, вероятно, презрел бы как суету: «Все говорят: юбилей, юбилей. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел».

И увидеть не мог, потому что 50-летие, когда Веничка был жив, пришлось на еще невнятный 1988-й. Нам же остается только подготовиться к 60-летию, уже действительно по-настоящему.

Я остро помню свое московское ощущение дурацкого дополнительного горя в мае 1990-го, когда в общем-то незаметно в масштабах гигантской литературоцентристской страны умер автор литературного шедевра — «Москва — Петушки», ставшего буквально народным достоянием. Умер 52-летним, не успев дописать драматургическую трилогию, которая обещала стать другим шедевром — судить можно по первой законченной пьесе «Вальпургиева ночь». Тогда в Москве я ловил себя на крамольной мысли о том, что все воспринималось бы легче, если бы устроили всенародный государственный траур, с некрологами и телевидением. Куда там — даже с гробом была суета и гонка: сказали, что хоронить будут на Ваганьковском, а потом выяснилось — на Новокуднецком, ближе уже к Европе.

Там и успокоился петушечник Ерофеев, самый русский из всех наших писателей после Розанова, и, не выходя из тени родных осин, осознающий и воспринимающий себя в западном контексте от Баха до Сартра. Эти мировые культурные знаки Венедикт Ерофеев щедро рассыпал по своей насквозь российской книге. Именно рассыпал, а не распространил, не разлил: его мысль жестка, зерниста и суха.

Католик и рационалист, он был склонен к формулам. Скопище их элегантных великолепий восходит к Пушкину и Грибоедову, если говорить о классической нашей литературе, в нынешнем же веке соперничает в афористике с Маяковским и Бродским.

Цитаты из Ерофеева при этом — каждый раз одновременно отвлеченная красота и конкретный приказ. Он был, как это ни странно звучит, моралистом и в некоем смысле последним поэтом-просветителем.

«Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам.»

«Кто поручится, что наше послезавтра будет не хуже нашего позавчера?»

«А для чего нужны стигматы святой Терезы? Они ведь ей тоже не нужны. Но они ей желанны.»

«Первая любовь или последняя жалость — какая разница? Бог, умирая на кресте, заповедовал нам жалость, а зубоскальства он нам не заповедовал.»

«Зачем тебе ум, если у тебя есть совесть и сверх того еще вкус?»

«Честного человека только по этому признаку и можно отличить: у него глаза бегают. Значит, человек совестлив и не способен на крупноплановые хамства.»

«Надо чтить, повторяю, потемки чуждой души, надо смотреть в них, пусть даже там и нет ничего, пусть дрянь одна — все равно: смотри и чти, смотри и не плюй.»

В замечательной и куда менее известной, чем «Москва — Петушки», книге «Василий Розанов глазами эксцентрика» Венедикт Ерофеев прямо указывает свой главный ориентир. Но напрасно было бы искать сходства в мировоззрениях Ерофеева и Розанова. Общие у них — свобода и точность. Безграничная свобода мысли и безошибочная точность слова. И еще — болтливость:

несмотря на многословие, ни единой лишней буквы нет.

«Я вообще замечаю: если человеку по утрам бывает скверно, а вечером он полон замыслов и грез, и усилий — он очень дурной, этот человек. ... Вот уж если наоборот — если по утрам человек бодрится и весь в надеждах, а к вечеру его одолевает изнеможение — это уж точно человек дрянь, дельца и посредственности. Гадок мне этот человек. Не знаю, как вам, а мне гадок. Конечно, бываю и такие, кому одинаково любо и утром, и вечером, и восходу они рады, и заходу они тоже рады — так это уж просто мерзавцы, о них и говорить-то противно. Ну уж, а если кому одинаково скверно и утром, и вечером — тут уж я не знаю, что и сказать, это уж конченный подонок...»

Как легко увидеть, здесь шанса не оставлено никому. Но это и есть всеобщий шанс. Охват Ерофеева слишком глобален, чтобы существовать на деле даже теоретически — это его излюбленная философия-обманка.

Великолепен в «Глазами эксцентрика» диалог гениальных болтунов — воображаемая беседа Ерофеева и Розанова.

«Я пересел на стул, предоставив ему свалиться на мое канале. И в три тысячи слов рассказал ему о том, чего он знать не мог: о Днепрогэсе и Риббентропе, Освенциме и Оссовахиме, об истреблении инфантов в Екатеринобурге, об упорствующих и обновленцах (тут он попросил подробнее, но я подробнее не знал), о Павлике Морозове и о зарезавшем его кулаке Данилке.»

«То его раздавило, он почернел и опустился. И только потом опять заговорил: об искривлении путей человеческих, о своем грехе против человека, но не против Бога и церкви, о Гефсиманском поте и врожденной вине. А я ему — тоже о врожденной вине и посмертных реабилитациях, о Пекине и о Кизлярских пастбищах, о Таймире и Нюрнберге, об отсутствии всех гарантий и всех смыслов.»

Разница между брянским учителем и владимирским студентом — в опыте: то, что один прозрел, другой прожил. Венедикт Ерофеев — это Василий Розанов, прошедший через Гитлера и Сталина.

Оба горюют об «искривлении путей человеческих», но насколько же конкретнее наш современник. И при этом — насколько же безнадежнее его пафос, даже пародийный. Впрочем, он у Ерофеева пародиен всегда,

при всей пронзительной серьезности и трогательном лиризме. Можно сказать, что в Веничке российская ироническая эпоха, начавшаяся в самом конце 50-х, достигла пика и в известной мере им и закончилась: после вершины спуск уже неинтересен.

«И Алексей Маресьев сказал: «У каждого в душе должен быть свой комиссар». А у меня в душе — нет своего комиссара. Нет, разве это жизнь? Нет, это не жизнь, это фекальные воды, водоворот из помоев, сокрушение сердца. Мир погружен во тьму и отвергнут Богом.»

Образцовый Ерофеев в этом гротескно-стремительном крещендо отчаяния: от казенного Маресьева — к разговорно-бессмысленному «разве это жизнь?» — к нонпарманному «сокрушению сердца» — и к библейской катастрофе богооставленности.

Ерофеев с мазохистским наслаждением потрясает беспросветностью даже выдаваемых виды Розанова, когда рассказывает ему о тех, кто в наше время населил землю.

«Мы живем скоротечно и глупо, они живут долго и умно. Не успев родиться, мы уже издыхаем. А они, мерзавцы, долголетни и пребудут веками. Жид почему-то вечен. Кощей почему-то бессмертен. Всякая их идея — непреходящая, им должно расти, а нам — умиляться. Прометей не для нас, паразитов, украл огонь с Олимпа, он украл огонь для них, мерзавцев...»

«О, не продолжай, — сказал мне на это Розанов, — и перестань говорить околесицу...»

«Если я замолчу и перестану нести околесицу, — отвечал я, — тогда заговорят камни. И начнут нести околесицу.»

Здесь суть ерофеевского стиля. Эта формула работает и тогда, когда в его тексте вроде бы появляется спокойное традиционное повествование, которое тут же сводится на нет. То есть, разумеется, на да.

«Все собираются к камину, в цилиндрах, и держат жабо на отлете. Ну, да ладно, у нас и без камина есть чем согреться. А жабо — что нам жабо! Мы уже и без жабо — лыка не вяжем.»

Мы — в своем конце XX века — точно не вяжем.

А Венедикт Ерофеев непостижимым образом сумел связать жабо из лыка, ту самую нить времен. Ему удалось привести в электричку Москва — Петушки не только Тургенева с Мусоргским, но и Гете с Листом, показать эсхатологический ужас пьяной икоты, сопоставить святую Терезу с Алексеем Маресьевым, затеять разговор с Розановым и не уступить в нем, «безгранично расширить сферу интимного» и стать в этом смысле русским Джойсом: день Венички с поездкой из Москвы в Петушки — это дублинский день Блума. Венедикт Ерофеев — гений и словесного синтеза, который добился в литературе главного: соединил увлекательность с интеллектуальностью и назидательностью.

Что есть величие? — сюжет, ум и мораль.

Он одарил нас огромной коллекцией афоризмов и формул, пригодных и всегда готовых к употреблению.

Прошу, не снисходя к моему капризу, но чтя память нашего великого современника, набрать заглавными буквами его слова, которые я повторяю про себя уже столько лет: **«ВСЕ НА СВЕТЕ ДОЛЖНО ПРОИСХОДИТЬ МЕДЛЕННО И НЕПРАВИЛЬНО, ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕК БЫЛ ГРУСТЕН И РАСТЕРЯН.»**

Петр ВАЙЛЬ
Нью-Йорк